

ТАМАНСКИЙ

ОГНЕННЫЕ БЕРЕГА

Этот маленький остров был яблоком раздора между СССР и КНР. Пока одна из сторон не пошла на вынужденные и крайне жесткие меры.

АЛЕКСАНДР ТАМОННИКОВ

Александр Александрович Тамоников Даманский. Огненные берега

*Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=44583503
Даманский. Огненные берега: Эксмо; Москва; 2019
ISBN 978-5-04-105026-9*

Аннотация

Март 1969 года. Одурманенные маоистской идеологией китайские военные развязывают конфликт в районе острова Даманский на реке Уссури. Советские пограничники вынуждены вступить в схватку с превосходящими силами противника. С обеих сторон есть убитые и раненые. Ситуация накаляется с каждым днем... Прибывший на заставу для прохождения службы лейтенант Павел Котов сразу же оказывается в гуще событий. Его взвод первым принимает на себя удар. Одному из бойцов, оказавшемуся в китайском плену, удастся бежать. То, что он рассказал об увиденном, заставляет советское командование готовиться к самому неожиданному повороту событий...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	26
Глава 3	44
Глава 4	60
Конец ознакомительного фрагмента.	75

Александр Тамоников

Даманский.

Огненные берега

© Тамоников А.А., 2019

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

Глава 1

В тамбуре было холодно, неудобно, сильно трясло. Консервная банка с окурками опустошалась только на конечных остановках. Герметичность вагона тоже оставляла желать лучшего – свирепствовал сквозняк.

Павел терпел. Каждый раз, выходя на перекур, он натягивал теплый свитер из овечьей шерсти, тем и спасался. За окном мелькали заснеженные пейзажи Приморья – жидкие лесополосы, гряда приплюснутых сопок на заднем плане. Конец календарной зимы – не повод для таяния снега. Он лежит до последнего и только в конце марта, когда становится по-настоящему тепло и солнечно, начинает неохотно сходиться.

Час назад проследовали Хабаровск и повернули на юг – там стояли сорок минут. Термометр показывал минус двадцать. По радио сообщали, что во Владивостоке – минус десять, но в условиях повышенной влажности это то же самое, что минус сорок в Якутии...

Проплывали заснеженные деревни, мерзлые полустанки. На длинных перегонах поезд разгонялся, колеса бодро колотили по стыкам. Промелькнула станция, путевые мастерские, украшенные транспарантами. По всей стране одно и то же: «16 марта – выборы в местные Советы народных депутатов. Изберем достойнейших!» «Решения XXIII съезда

КПСС – в жизнь!»

И снова – заметенные поля, дремучие сопки, забытые богом деревушки, дымки над трубами, лающие собаки.

Упомянутый партийный съезд состоялся три года назад и запомнился новым партийным лидером с представительной внешностью, переименованием Первого секретаря в Генерального, упразднением Президиума ЦК и восстановлением Политбюро ЦК КПСС. Коммунизм обещали построить к 1980 году, ждать оставалось всего одиннадцать лет...

Пробирал холод. Павел поежился, утрамбовал недокуренную сигарету в набитую доверху банку и побежал вон из тамбура.

За дверью, в купейном вагоне, был полный контраст: уютно, тепло, ковровая дорожка. В отсеке проводника позвякивали подстаканники.

В Хабаровске вагон наполовину опустел, но жизнь продолжалась. Мужчина средних лет возился с кружкой у титана, пришлось прижаться к стенке, чтобы разойтись. В другом конце вагона смеялась молодежь. У третьего купе, в котором путешествовали Павел Котов с супругой, стояла его Настя, держалась за блестящий поручень и смотрела в окно. Ей заговаривал зубы крепко сложенный тип. Настя не возражала, отвечала односложно, по красивым губам скользила загадочная улыбка. Павел напрягся – на пять минут оставить нельзя! Зачем из купе вышла? Сидела бы и читала своего Виктора Гюго! Субъект ей что-то вкрадчиво нашепты-

вал, норовил прикоснуться плечом. Настя тактично отстранялась, но пресекать посягательства не собиралась. Невысокая ростом, худенькая, русоволосая, с достойными формами, в изящной кофточке с ромбиками. Юбка – до лодыжек, но так подчеркивает ее достоинства. Настя выделялась в любой толпе, привлекала взгляды, и с некоторых пор это становилось проблемой...

Павел подошел, встал рядом и начал разглядывать «конкурента». Молодой детина, года на четыре моложе Павла, в красной спортивной футболке с надписью «СИБСЕЛЬ-МАШ» (очевидно, футбольная команда из какого-то захолустья), в мятых холщовых штанах. Прическа бобриком, физиономия скуластая, предельно нахальная, особенно глаза. Такие всегда идут напролом, уверены в себе (пока по зубам не получат), особенно имея поддержку за спиной. А такая имелась, субъект перемещался по просторам не один – компания занимала купе в другом конце вагона. Сели где-то в Сибири, выпивали, ржали, но вроде ни к кому не лезли. Курили в противоположном тамбуре. «Группа поддержки» в данный момент находилась у своего купе, парни посмеивались, «болели» за товарища.

Субъект манерно вздохнул, оторвал от Насти липкий взгляд, с досадой уставился на Павла. Почему зачесался кулак? Хорошо, что он сегодня не в форме. Настя смутилась, опустила глаза, в которых продолжало поблескивать что-то плутовское. Молчаливая дуэль продолжалась секунд два-

дцать. «Футболист» не моргал, с выдержкой у него было все в порядке.

– Пойдем, дорогая, – Котов взял девушку под локоток и потянул к открытому купе.

– А ничего, что мы разговариваем? – вкрадчиво спросил субъект.

– А ничего, что я тоже хочу поговорить со своей женой? Причем без посторонних, – отозвался Павел. Конфликтовать не хотелось, тем более находясь в явном меньшинстве. Но он всегда мог постоять за себя и за Настю, иначе для чего ему первый разряд по боксу?

Субъект заколебался.

– Жена, что ли? – протянул он разочарованно. – А ты, стало быть, ейный муж... – детина задумался, хотя мыслительный процесс ему явно не шел.

– Муж, – подтвердил Павел. – Не возражаете, молодой человек, если мы вас покинем? Он не утомил тебя, дорогая?

Настя нерешительно пожала плечами.

– А ты уверен? – субъект скривился. Видно, что не любил проигрывать, даже в таких глупых ситуациях.

– А ты ему паспорт покажи, – приснула Настя.

– Я сейчас ему кулак покажу, – пообещал Павел.

– Ну, кулак я тоже могу показать, – парень снова оскалился и опустил глаза на свою конечность. Его кулак выглядел мощнее, чем у Павла.

– Понятно, – сообразил Павел. – Юмор есть, а такта нет.

Вы знаете, гражданин, что это опасно для здоровья?

— Ты драчун, что ли? — удивился парень. — Да ну, не верю. Молчи лучше, пока не сплющило... Он ваш муж, мадам? — учтиво спросил он у Насти.

Та кивнула.

— Тогда — пардон... — субъект картинно расстроился. — Поговорить с вами нельзя, смотреть на вас нельзя... Не повезло, в общем.

— Какая вам разница, женаты мы или нет? — вспыхнул Котов. — Вы прекрасно видите, что мужчина едет с женщиной. Обязательно нужно подойти и пристать?

Он почувствовал, как задрожала тонкая рука девушки. Субъект продолжал его оценивать. Потом пренебрежительно усмехнулся:

— Ладно уж, живите, моряк ребенка не обидит... — и, сунув руки в карманы, вразвалку побрел в свой конец вагона.

— Извиниться не хотите, гражданин? — бросил ему в спину Павел.

Субъект развернулся, уставился на него с изумлением. Потом недоверчиво покрутил шеей, дескать, ну и наглец. Глянул на оробевшую Настю, ухмыльнулся и побрел дальше, к своим веселым попутчикам.

— Что ты делаешь? — зашипела Настя, затаскивая его в пустое купе. — Нам только драки не хватало, чтобы ты к своему новому месту службы прибыл с синяками. Или вообще со сломанной рукой... Он всего лишь подошел, представился

Михаилом, сказал, что ему тоже скучно, одиноко, а у меня глаза, как у горной лани, и он от них обалдел...

— И ты поверила? — Павел задвинул дверь. Постоял, разминая кулак. Превосходящие силы противника в купе не лезли, да и драться, если честно, не хотелось.

— Поверила? — удивилась Настя. — А у меня что, глаза не горной лани?

Он засмеялся, и напряжение сразу спало. Девушка оказалась у него в объятиях, он сжал ее, смачно чмокнул в лоб.

— Как можно? — ужаснулась она. — У меня пятно останется на лбу от твоих телячьих нежностей, как у индуски, — она тоже рассмеялась, ответила быстрым поцелуем в губы и быстро вернулась на насиженное место.

— Что он хотел? — проворчал Павел, присаживаясь напротив.

За окном мелькали опостылевшие пейзажи. Дальний Восток был не таким обширным, как Сибирь, но парочку Франций все-таки в себя вмещал.

— А чего от нас хотят? — пожала плечами Настя. — Подвалил такой, мол, где мой кавалер, как он посмел оставить такую лань? Может ли он скрасить мое щемящее одиночество? Знаешь, я опомниться не успела, как он мне зубы заговорил, завалил комплиментами, задурил, короче, голову... — Настя смотрела лукаво, и Павел снова начал злиться. — Зовут его Михаил... я уже говорила. Едет с товарищами из Новосибирска, из творческого, как он сказал, отпуска. Скоро выхо-

дит, поэтому не может уделить мне много времени. Но с удовольствием махнул бы на все рукой и увез бы в такую даль, где только снега да олени... Мне показалось, он – неплохой человек. Хотя и болтун, конечно, редкий...

Павел не стал вступать в перепалку. Он слишком любил свою жену, чтобы устраивать сцены. Ей и так пришлось несладко, а скоро будет еще хуже, в этом исключительно «заслуга» молодого лейтенанта Павла Константиновича Котова.

Он вынул из авоськи сверток. В Хабаровске купили беляши, отстояв приличную очередь, там же у какой-то бабушки – вареную картошку, вялый зеленый лук. В чемодане остались консервы, их можно приберечь ввиду неясного будущего. Поели быстро – нечего тут развозить. В дверь постучали. Павел напрягся.

– Чай будете? – спросил проводник.

– Если не трудно, – встрепенулась Настя.

– Справлюсь, – проворчал работник железной дороги и отправился дальше по коридору. Настя повозилась, пристроила ноги под себя и погрузилась в чтение потрепанной книги. Творение Виктора Гюго «Человек, который смеется» она осваивала в третий раз. «Отверженных» осилила еще в Москве. В чемодане имелось «20 лет спустя» Дюма – до дыр зачитанное издание 1949 года, – но это было про запас, на крайний случай.

Он украдкой любовался своей женой: такая милая, обязательная, читала увлеченно, будто в первый раз, теребила

пальцем свисающий локон. Он вспомнил, как в детстве много раз проглатывал «Красных дьяволят», написанных в далеком 1922 году секретарем Костромского губкома РКП(б) (писал ее, кстати, в теплушке, пока ехал из Костромы в Баку), и всякий раз надеялся, что события пойдут другим чередом: не подстрелят коня под пацаном Мишкой, а махновцы не бросятся в бой...

Они ехали из столицы уже восьмые сутки. Пейзажи менялись незначительно, и возникала резонная мысль: эта страна где-нибудь кончается?

Настя понемногу изводилась: ей хотелось в душ, хотелось нормальной еды, свободы и чтобы не стучали по нервам эти надоевшие колеса! Попутчики менялись от самой столицы: вторгались в купе, жили какое-то время, потом пропадали. Были молчуны, были говорливые и докучливые. Была интеллигентная, со всех сторон приятная старушка из Перми и развязный водитель асфальтоукладчика из Южно-Сахалинска; сызранская семейная пара, ожидающая пополнения, и бывший учитель из Биробиджана, живущий в Минске, едуший на похороны матери. Он постоянно убивался, что не полетел самолетом, а теперь и на девять дней не успеет! Субъект был крайне неприятный, и все купе облегченно вздохнуло, когда утром обнаружило его отсутствие.

Настя тоже вздыхала: почему не полетели самолетом? Проклятое безденежье... Вопрос риторический – услуги авиалиний молодой семье не положены (чином не вышли).

Зато железной дорогой – в любое время и в любую сторону, только предъяви требование от оборонного ведомства.

Последний попутчик – неопрятный командировочный из Благовещенска, спешащий на завод в Хабаровске, прыгнул с поезда на прошлой остановке, забыв даже попрощаться. С тех пор они ехали в купе вдвоем...

Постучался проводник, попросил забрать чай. Сервис – странный. Павел подлетел, взял с подноса два стакана. Подстаканники тоже были горячие. Обжигая руки, донес до стола, забыл закрыть дверь. Настя оторвалась от чтения и с усмешкой наблюдала за ним. Он сунулся в плечевую сумку из козжама, отыскал последнюю пачку печенья. Настя удивленно приподняла брови – какие мы экономные.

Чаевничали долго, пить этот жиденький кипяток было невозможно. Потом Павел пересел к жене, обнял ее. Она вздохнула, пристроила голову ему на плечо. Павел расслабился, стало хорошо.

– В душ бы сейчас... – в сотый раз повторила Настя. – В любой, пусть даже под холодный пожарный брандспойт...

Он молчал, гладил ее волосы.

– Вот скажи, зачем мы едем в такую даль? – прошептала Настя. – Да, сама себя обрекла, выходя за тебя замуж, но все равно обидно... Я – существо теплокровное, изнеженное, представляю мягкотелую интеллигенцию, мне нужна особая обстановка, тепличные условия... Я смогу найти работу на твоей заставе?

– Кем?

– Ну, не знаю... Могу кино за ручку крутить, в библиотеке работать... Могу делать много другой полезной и бесполезной работы.

– Не знаю, посмотрим. Жизнь покажет.

– А Китай там близко?

– Он там везде...

Он временами чувствовал себя неловко. Иногда тревожила совесть. Настя имела право на другую жизнь. Знакомясь со статным выпускником Высшего погранучилища, она ожидала не этого. Тогда он был независим, остроумен, хорош собой – особенно в парадной форме. У девушки захватило дух. Ей и в голову не приходила мысль о вечных разъездах и бытовых неурядицах. Жизнь рисовалась ей в радужных красках.

Родители – коренные москвичи, интеллигенция в пятом колене, и сама она такая же выросла, впрочем, страстно при этом мечтая вырваться из-под домашней опеки. Библиотечный факультет, диплом с положительными оценками, перспектива остаться в столице и выгодно выйти замуж. А тут вдруг этот парень – свалился на танцах, как снег на голову. Парней было много, но понравился именно этот.

Предупреждали мама с папой: опомнись, дочка, добром это не кончится, положительный момент будет лишь один: ты познаешь географию. Разве ты этого хочешь от жизни? Пошла наперекор родительской воле. Те погрузили, но сми-

рились.

Нормальный, в общем-то, парень, не какой-нибудь столичный проходимец или выходец из братских солнечных республик. Круглый сирота, воспитывала его дальняя родственница и делала это правильно, претензий к тете Кате – никаких.

По окончании училища Павлу светила Группа советских войск в Германии – достойное место службы. Но и тогда Настя испугалась: как Германия? Почему Германия? Он смеялся – там уже четверть века нет фашистов, все – наше. Куда ни кинь – мирная жизнь, в светлое время живем! И служба в армии – сплошное удовольствие!

Потом пришло другое назначение: город Брест – граница с братской Польшей. Он хотел чего-то более серьезного, но смирился, а Настя расцвела – вот там и заживем!

Служба с видом на польские посты продолжалась недолго, но протекала гладко, если не замечать некоторой напряженности после событий в Чехословакии. В 1968-м там вспыхнули антисоветские беспорядки. ЧССР наводнили войска Варшавского договора, Прагу оккупировали советские танки, десантники арестовали руководство государства, отошедшее от принципов марксизма-ленинизма.

Зараза недовольства долго потом ощущалась во всех союзных странах. Но все закончилось благополучно – Восточная Европа продолжила строить социализм.

Потом обострились отношения с Китаем – вся их реви-

сионистская деятельность, недобрый взгляд на Сибирь, дикая культурная революция, затеянная для усиления власти зарвавшегося Мао... Срочное предписание: оставить место службы и прибыть в столицу за новым назначением. Многих офицеров пограничных войск КГБ СССР переводили в Сибирь и на Дальний Восток. Над окраинными регионами дамокловым мечом нависла многомиллионная китайская армия, преданная до последнего вздоха своему безумному кормчему...

– Я не смогу там, не выдержу, с ума сойду... – шептала Настя, глядя его руку. – Мне уже тревожно. Предчувствия недобрые, Пашенька...

– Диалог возможен или ты уже все решила? – он попытался отделаться шуткой.

– Я просто ною, – вздохнула девушка. – Твое украшение – сила, мое – слабость. Относись ко мне снисходительно, ладно? У тебя будет хорошая зарплата? – сменила она тему.

– Хорошая, – кивнул Павел. – Но размер придется уточнять. Что тебе эти деньги? Не купишь на них счастья, дорогая.

– А ты мне их дай, – шептала Настя, – и я покажу, как это делается...

Он рассмеялся. В этот момент в приоткрытую дверь просунулась физиономия наглого парня в футболке «СИБ-СЕЛЬМАШ», скабрёзно оскалилась.

– Чаевничаете, попутчики? А позвольте пригласить вашу

даму в вагон-ресторан, пусть покушает девушка...

Он не договорил, Павел подлетел к нему в гневе, краска прилила к лицу. Вот кому он от души бы врезал!

Настя испугалась, схватила его за руку:

– Паша, не надо, не связывайся!

Он вырвался, лицо пылало. Невоспитанный субъект развязно гоготнул и испарился, задвинув за собой дверь. Павел сплюнул. Сам виноват, почему оставил дверь открытой? Теперь вся местная шпана видит, чем они занимаются и что едят. Не могут просто так пройти мимо.

– Паша, остынь, успокойся... – уговаривала Настя. – Этот парень просто шутит, он не сделает нам ничего плохого...

А что он может сделать плохого? Пусть только попробует! Опыт контакта со шпаной у Павла имелся. И в школе случилось, и в училище – сущее удовольствие ходить по вечерним подворотням провинциальных городов. «Эй, пацан, пятнадцать копеек есть? А если найду? А чего такой бурый?» В зубы получают – и сразу отваливают, только пыхтят, мол, мы еще встретимся. Но никого из них Павел так больше и не встречал.

Он махнул рукой, сел на место и уставился в окно. И без того все подвешено, нет уверенности в завтрашнем дне, а тут еще этот лезет...

– Не могу я так, Настя, – пожаловался он. – Ты – красивая девушка, мужики на тебя глядят, как на икону, слюни глотают, норовят познакомиться. Меня трясет, когда они к тебе

лезут. Ревность дурацкая, всех поубивать готов...

— ...сказал человек, везущий жену в края, где нет ни одной женщины, — улыбнулась Настя.

— Ну, почему ни одной? — смутился Павел. — Все там есть, и женщины, наверное, тоже...

— Ладно, замнем для ясности, — вздохнула Настя. — Все будет хорошо, люди живут даже в Антарктике и на острове Врангеля. Как-то договариваются с пингвинами и с белыми медведями. Долго нам еще ехать?

— Нет, — он посмотрел на часы. — От Хабаровска до станции Бикиновка — двести с хвостиком верст. Поезд не реактивный, но вроде едет.

— К ночи будем, — вздохнула девушка. — И станция, где мы сойдем, — не центр мироздания. Нас встретят?

— Сомневаюсь, — честно признался он. — Руководство заставы знает о моем прибытии, но вряд ли пришлет за нами почетный караул с оркестром. Мы люди самостоятельные, доберемся. Время есть — служба начнется только завтра.

— Боюсь даже спрашивать, живут ли там люди...

Они молчали, грызли сухое печенье. Согласно скудной информации люди там жили. Поселок Нижняя Масловка, погранзастава с одноименным названием — составная часть Уманского пограничного отряда. Двенадцать верст от железной дороги. А в Приморье на советской стороне не только медведи с тиграми обитают — местность населенная, особенно ближе к океану...

– Все отлично, милая, – Павел восторженно воскликнул, поглаживая жену. – Мы – люди коммуникабельные, ко всему привычные, прорвемся...

– У моей мамы двадцать восьмого февраля день рождения, – напомнила девушка. – А я даже не уверена, что смогу отправить ей поздравительную телеграмму... Сегодня какое число?

– Тридцатое февраля, – буркнул Павел. Отношения с тещей не складывались с самого начала. Они не ссорились, не ругались, но в ее присутствии у него начиналась необъяснимая чесотка, возникало желание развеять свой прах. И за всем этим с невыразимой печалью наблюдал тесть – хороший, в общем-то, мужчина, но сильно подавленный каблуком.

– Как тридцатое? – Настины глаза округлились от ужаса, забегали. Потом дошло: – Ты меня разыгрываешь! Не бывает такой даты! Двадцать девять – и то редко!

Она шутливо ударила его кулачками. Он засмеялся, привлек ее к себе, нежно поцеловал. Она сопротивлялась для вида – люди же увидят. Мало тебе? Он запер дверь на защелку и продолжил начатое. Сопротивление слабело, Настя бормотала больше для порядка, мол, нашел время, мы тут не одни. Оставьте меня в покое, товарищ лейтенант! Ладно, победил, я сама это сниму. Да, только это, на большее не рассчитывай...

Потом она уснула, свернувшись калачиком. Он посидел

немного, укрыл ее казенным одеялом, стал карабкаться на свою полку. Сон сморил почти мгновенно. Несколько раз он просыпался и снова засыпал. Поезд трясся, потом вдруг замирал, дергался, гремели сцепки.

Они едва не проспали! Вернее, проспали, все на свете проспали! Ведь предупреждали же проводника!

Павел очнулся от долбежки в дверь. Поезд стоял, за окном – темно, лишь рассыпанный тусклый свет от фонаря на перроне.

– Эй, молодые люди, Бикиновка! – кричал проводник. – Вы чего там заперлись? Спите, что ли? Через минуту отправление!

Павел кубарем скатился с верхней полки. Какого черта! Пять минут стоянка, и ту проспали. Нет ему прощения! Свет в купе почему-то не горел.

– Подъем! – он тряс стонущую Настю за плечо. – Хорош спать! Следующая станция Владивосток – нам туда не надо! Меня же на губу посадят за опоздание к месту службы!

– Ты почему грубишь? – возмущалась Настя, протирая глаза. – Это твоя служба, а не моя. Сам проспал, а на мне срываешься...

– Прости, любимая, – оправдывался он, метаясь по купе. – Просто дар вежливости потерял от страха. Бегом! Вытряхиваемся из этого чертова поезда! Потом проснемся!

Наспех одевшись, они схватили сумки и чемоданы и вывалились из купе. Настя ойкала – так нельзя, она наверняка

что-то забыла! Он мысленно перебирал: деньги, документы, все самое ценное... Нет, ничего не забыли, за исключением недоеденного печенья и пачки сигарет, которую он сунул под полку с пружиной. Ничего, в багаже еще есть, поздно возвращаться...

Он волок пухлые чемоданы по едва освещенному проходу. Вечно эти женщины со своим барахлом. Ну, куда, скажите, столько набрала? Время – одиннадцать вечера, все в поезде спали, а кто выходил в Бикиновке, давно вышли. Проводник поторапливал – этому нерадивому работнику он бы тоже с удовольствием засветил в глаз! Ведь дважды предупреждал: разбуди!

Павел выбросил чемоданы на перрон – поезд уже дернулся, дрожь пробежала по составу. Ахнув, он слетел со ступеней, раскрыл объятия жене: прыгай! Настя, трепеща от страха, прыгнула прямо на него – шапка набекрень, шубка нараспашку. Какая срочная, черт возьми, эвакуация! Проводник насмешливо что-то кричал – да пошел он куда подальше! Как-то суматошно начиналась служба на Дальнем Востоке...

Вагоны медленно проплывали мимо, вот прошел последний, растаял в морозной дымке. Падая снег, дул холодный ветер. Настя дрожала, она еще не пришла в себя. Павел торопливо застегнул Настину шубейку на «рыбьем меху», нахлобучил ей шапку из норки, которую она донашивала после мамы, обмотал теплый шарф вокруг шеи. Стал приводить в

порядок себя, попутно озирался. Пустой перрон. Единственный фонарь освещал затрапезную избушку вокзала. Ни души вокруг. Щербатый перрон, сугробы, мелкая ограда, за которой вырисовывались покатые крыши низеньких строений. За железнодорожным полотном возвышался лес – дальше цивилизация пропадала.

Павел обнял жену. Она дрожала.

– Как ты себя чувствуешь? – пошутил он.

– Не волнуйся, жить буду... Где мы?

– Станция Бикиновка... если проводник не пошутил.

Средоточие мира, пара сотен человек населения, железнодорожные мастерские. До границы, а значит, и до заставы – порядка двенадцати верст.

– Как-то здесь... дореволюционно, – она ежилась, с опаской смотрела по сторонам. – Ладно, пойдем, будем надеяться, что на вокзале нас ждет теплая машина. Бери чемоданы, Павлик, и меня бери. Прорвемся, как ты говоришь. Мы же с тобой – одна сатана...

– Правильно, – заулыбался Павел, подхватывая чемоданы. – Все могло быть хуже.

Она замотала головой:

– Нет, Пашенька, не могло...

В здании было сухо и тепло, и этим достоинства вокзала исчерпывались. Застекленная касса, крошечный зал ожидания с лавками, туалет. Полуночная уборщица терла шваброй пол, покосилась без почтения: ходят тут...

Настя забралась с ногами на лавку, съежилась, задремала. Уборщица беседовать не пожелала – бабушка была бдительная. И плакат в районе кассы уверял, что от бдительности каждого человека зависит сохранность государственной тайны. Вспомнились строки из пионерского детства: «Не тешься, товарищ, мирными днями. Сдавай добродушие в брак. Товарищи, помните, между нами орудует классовый враг».

Дежурный по станции откровенно дремал в своей каморке. Павел предъявил служебное удостоверение, поинтересовался, не присылали ли с заставы машину. Дежурный куда-то позвонил, сообщил, что нет. Вздохнув, Котов вернулся в зал ожидания. Ночь предстояла трудная – но хоть в тепле. Настя приоткрыла один глаз, поняла по его лицу, что хороших новостей нет, вздохнула и снова смежила веки.

– Мужчина, вы здесь собираетесь ночевать? – высунулась из окошка кассирша. Хоть девушку пожалейте, какой вы, право слово... Идите в гостиницу – она примыкает к нашему зданию со стороны привокзальной площади. Там всегда останавливаются командировочные и всякие такие... – она с сомнением оглядела приезжего. – Здесь, знаете, не Гагры, свободные номера всегда есть...

Он не успел подхватить чемоданы, а Настя уже толкала мужа в спину. Ее, измученную дальней дорогой, преследовал призрак душа и мягкой постели. Пришлось снова выходить на холод, но оно того стоило.

Упомянутое заведение не отличалось изысканностью, но

об этом они и не мечтали. Дежурный администратор широко зевала и даже не пыталась прикрыть рот. Она ознакомилась с документами, что-то записала, сунула ключи и смирилась любопытствующим взглядом осанистого молодого человека. Насте тоже досталась кроха ее внимания.

В номере плохо закрывалась дверь, едва сходились мятые шторы, под плинтусом копошились тараканы, но – какая разница! Зато грели батареи. Имелась кровать – пусть страшная, скрипящая, «ортопедическая», зато широкая – на целых полтора человека! В душевой текла вода – ржавая, злобно урчащая, но теплая!

Настя застонала от предстоящего наслаждения, стала выбрасывать из чемодана вещи в поисках махрового халата, тот оказался на самом дне. Она закрылась в душе, пустила воду на полную мощность. Павел примчался на ее призывный душераздирающий вопль. Девушка плясала под душем. Под ее ногами метались потревоженные тараканы – недокормленные, но шустрые. Она запищала, пулей вылетела из-под струи, стала укутываться в казенное полотенце. Павел засмеялся, смывал в канализацию представителей здешней фауны.

– И что мы дышим, как астматик? – он привлек ее к себе, взял за плечи. – Тараканов никогда не видела?

– Видела... – она опасливо смотрела под ноги. – Но эти – рекорсмены по бегу, носятся, как угорелые, кусаются, наверное...

Пришлось ей мыться в его присутствии. Он оттирал ее привезенной из Москвы мочалкой – девушка стояла покорная, с закрытыми глазами, на все согласная. Потом поменялись ролями – именно ради этих минут стоило предпринять такое утомительное путешествие.

Отопления не хватало, они лежали, обнявшись, под куцым одеялом. Настя дышала ему в шею, удивлялась, почему под ними не стучат колеса – она так привыкла к ним. Потом молодые погрузились в сон.

Глава 2

На этот раз он не проспал. Утро двадцать пятого февраля билось в окна крупинками града. Утробно завывал ветер. Павел курил в форточку, смотрел, как бледный рассвет прогоняет ночь, как у крыльца гостиницы носятся завихрения поземки. Стены здания строили из картона – в холле работало радио, предлагая прогноз на ближайшие сутки: в Пожарском районе Приморского края – до минус двенадцати, мокрый снег, ветер, обрывы проводов и прочие неблагоприятные явления...

Светало с трудом. Девятый час. Настя отмахивалась от его попыток привести ее в состояние боеготовности, пряталась под одеялом, оглашала комнату жалобным стоном. Он давно подметил: если не разбудить, то вообще никогда не проснется! Он исчез из номера, потом вернулся весьма довольный и с утюгом – отвоевал у представителей гостиничной администрации. Настя подглядывала из-под одеяла, как он достает из чемодана мягкое обмундирование, расправляет его на столе, гладит, обжигая пальцы и объезжая носиком неровности. Потом он облачался в теплое обмундирование, вертелся перед зеркалом. Офицерская форма преображала мужчину.

– Ну, нарцисс, не могу... – ворчливо комментировала жена. – Да красивый, красивый, хватит вертеться. Лучше продумай вопрос с завтраком.

Он и с этим легко справился. Снова исчез – теперь уже в форме, вернулся с подносом из привокзальной столовки: чай, глазунья, пшенная каша.

– Замечательно! – обрадовалась Настя, садясь на кровати. – А мяса у них нет?

– Есть, – кивнул Павел. – Но здесь этот продукт называют капустой. Поспешите, любимая, надо вырываться из этого безвременья. Пойдем искать попутку в Нижнюю Масловку.

На пятаке перед вокзалом стоял «УАЗ-452» с черными номерными знаками – в просторечии «буханка», – а возле него приплясывал молодой парень в заломленной на затылок шапке и с сержантскими лычками на форменной фуфайке. У него было смешное конопатое лицо и курносый нос. Сержант насторожился, заметив спешащего к нему лейтенанта, небрежно отдал честь.

– Вы – Котов? Отлично. Выходит, я за вами, товарищ лейтенант, – улыбка расцвела от уха до уха. – Капитан Стрельцов за вами послал. Сержант Перевозчиков, зовут Василий, хозяйственный взвод, сверхсрочную трубку... Смотрите, какая карета вам подана, – обернулся он к машине.

Производить эти грузо-пассажирские автомобили с полным приводом Ульяновский завод начал четыре года назад. Но у данного изделия был такой вид, словно его десятилетиями нещадно эксплуатировали в тундре.

– За нами? – у Павла от удивления отвисла челюсть. – Мы вечером приехали, начальство должно было знать...

– Так вечером и послали, – хмыкнул сержант. – Но машина сломалась – ей же не прикажешь. До ночи ремонтировали, куда уж было ехать, поздно.

– А если бы мы уже на попутке уехали?

– Сомневаюсь, – отмахнулся сержант. – Двенадцать верст до Нижней Масловки – неделю бы прыгали на обочине, ждали попутку... Мы едем, товарищ лейтенант, или поговорим еще? – спохватился сержант. – Только на склад по-быстрому заскочим, у меня накладные – муку надо забрать, курево для личного состава, – попутный груз, так сказать, чтобы дважды эту колымагу не гонять.

– Минутку, – кивнул Павел. – Жену приведу.

Настя с замотанным вокруг горла шарфом уже притоптывала на крыльце.

– Ух, е-мое... – восхищенно вымолвил сержант, делая большие глаза. – Вот это да, чтоб мне ослепнуть... Товарищ лейтенант, вы где такую красоту добыли? У нас, конечно, всякие есть, но чтобы такая...

Настя игриво хихикнула.

– Где добыл, там уже нет, – отрезал Павел. – Ты службу служи, Василий. Нечего на чужих женщин засматриваться.

– Так я же только посмотреть, – смутился сержант. – Жалко вам, что ли... Ладно, граждане-товарищи, бросайте свои пожитки в салон, а сами – ко мне в кабину. Там теплее. В тесноте, как говорится, да не в обиде...

С этим проклятием приходилось мириться. Если бы

взглядами раздевали, Павел давно бы разорился на фиговых листках. Сержант со звучной фамилией Перевозчиков деловито крутил баранку, но нет-нет, да и скашивал глаза на Настю. Супругу Павел посадил к окну – прикрывал своим суровым профилем. Она, скрывая улыбку, смотрела на мелькающий за окном пейзаж.

Склады находились в соседнем квартале. Погрузка не затянулась. «Мужики, бегом загружаем! Важные люди в салоне, нельзя задерживать!» – орал Перевозчиков и украдкой подмигивал лейтенанту. Мужики в фуфайках грузили мешки, тарасились на пассажиров и сально хихикали.

– Все, поехали, – сержант запрыгнул в кабину и захлопнул разболтанную дверцу. – Уж потерпите, потрясет малость, тут вам не Москва с асфальтом...

Трясло, как на фронтовой дороге, разбитой снарядами. Иногда машину заносило на льду, колеса шли юзом, Настя пищала, но сержант справлялся с трудными ситуациями, которые сам же и создавал. Ездить иначе он, видимо, не умел.

Пристанционный поселок остался на востоке. Железную дорогу пересекал мост, присыпанный песком. С высоты открывался величественный вид – заснеженные долины между сопками, скопления низкорослого леса, кустарник. Сопки шли волнами – где-то голые, каменные, где-то заросшие неприхотливой флорой. Колдобистая дорога пошла вниз, погружаясь в складки местности. Двигатель рычал, водитель постоянно переключал передачи, то разгоняясь, то тормозя.

– Тебя из-за фамилии шофером назначили? – уточнил Павел после очередного прыжка.

– А что, товарищ лейтенант, сомневаетесь в моем водительском мастерстве? – беззлобно хохотнул сержант. – Совершенно напрасно, я тут – ас. Два года на срочной баранку крутил, потом решил остаться – вот дальше кручу. Ни одной аварии, ни разу в кювет не падал. Девчонку себе нашел в Нижней Масловке – женюсь, наверное... Если не передумаю. Нет, точно женюсь, – подумав, заверил парень. – Опытному жениху, как говорится, никакая невеста не страшна... Предлагали в школу прапорщиков поступить, но как-то не мое это... Да вы не волнуйтесь, доедем в лучшем виде. Тут иначе нельзя – заглохнем, если плестись будем. А это, знаете, чревато...

– У вас всегда так холодно? – спросила Настя.

– Почему всегда? – удивился сержант. – Летом тепло. Летом тут хорошо: травка зеленеет, солнышко блестит. Тут и зимой нормально – просто нынче какой-то циклон с Арктики прорвался, вот и хозяйничает, порядки свои наводит. Такое нечасто бывает, холода умеренные – близость океана сказывается. Потерпите пару дней, все пройдет.

– Все равно безрадостно тут у вас как-то, – вздохнула Настя.

– А где радостно? – не понял сержант. – В Крыму? Был я в вашем Крыму, – он небрежно махнул рукой. – Ничего особенного, Крым как Крым. В Севастополь вообще не по-

пасть – режим там. Такие же горы, леса. Ну, да, чуток теплее. Но и у нас летом купаться можно – в Уссури или на озерах, их тут полно...

– Китайцы не шалят? – вырвалось у Павла. Он слышал о провокациях на советско-китайской границе, но дальше слухов или сухих официальных сводок осведомленности не было.

– Да как вам сказать, товарищ лейтенант, – задумался водитель. – Всякое бывает. Вот скажу вам, а потом выяснится, что не стоило говорить. Сами узнаете – пообщаетесь с товарищем Стрельцовым, другими ребятами... Не хочу об этом говорить. Но на заставе все спокойно, даже не переживайте, – поспешил он успокоить, – там, где наши люди живут, инцидентов не случается, заверяю с полной ответственностью.

Павел чувствовал, как напряглось, а потом расслабилось плечо супруги. «Зачем я ее сюда везу? – шевельнулось в голове. – Что нас ждет? Ежедневные сказки на ночь, что все хорошо и скоро получим новое назначение?»

Водитель замолчал. Машина брала сложный косогор с колеей. Ни попутного, ни встречного транспорта не было. Они съехали в криворукий голый лес. Проплывали невысокие уродливые осины. Много поваленных деревьев, горы бурелома под снежными шапками. Дорога змеилась, неуклонно забирая на запад. От монотонной езды слипались глаза. Утомляли однообразные пейзажи.

– А как тут с животным миром? – спросила Настя.

– С живностью все хорошо, – встрепенулся Василий. – В выходные иногда удается побродить по лесам. Но лучше это делать с ружьем, мало ли чего. Медведи есть, волки, лисы, зайцы, иногда тигры попадаются...

– Тигры? – напряглась Настя.

– А что вы удивляетесь? – пожал плечами сержант. – Это же Приморье. Арсеньева читали? Дерсу Узала и все такое. Нанайцы тут когда-то жили – и на китайской стороне, и у нас. Но теперь их мало осталось, рассосались по лесам да по своим национальным поселениям. На тигров охотились, на прочую дичь. А сейчас нельзя, каждый тигр подписан, государством охраняется, и, не дай бог, ты его обидишь – лесные инспектора за этим строго следят. Из Нижней Масловки автобус на Бикиновку ходит. Недавно пассажиры тигра видели. Сидит такой на косогоре, смотрит на них, облизывается – голодный, видно...

– Ладно, сержант, хватит девушку нервировать, – поморщился Павел. – Давай о светлом и радостном. Есть такое?

– А как же, выборы скоро, – хмыкнул сержант. – Будем выбирать самых достойных. Уже собрания в коллективах проводили, представляли кандидатов от края. А раз собрание – значит, кино, концерт или еще какое-нибудь развлечение...

Настя подавленно молчала, переваривала услышанное. Водитель покосился на нее, сочувственно вздохнул. Снова помолчали, исподлобья созерцая пейзажи. Надвинулась кру-

тая сопка, подточенная рекой – часть склона давно обвалилась. Деревья опрокидывались в воду вместе с корневой системой. Снова мостик над оледеневшими водами – добротный, из толстых бревен. Круча впечатляла, Настя провожала ее глазами, втянув голову в плечи.

– Подъезжаем, – сообщил водитель. – Лесок, а там поселок обозначится.

Наконец-то, навстречу протарахтел тяжелый «ЗИЛ», в кузове подпрыгивали штабеля бруса. Сержант съехал к обочине, пропустил чудовище – с этим лучше не шутить.

Дальше было веселее. Поселок Нижняя Масловка лежал в низине по обеим сторонам дороги. Частные подворья, вытянутые бревенчатые бараки, дым над трубами. Бетонные заборы, какие-то небольшие предприятия. Чадила поселковая котельная – из кирпичной трубы расползлся густой дым.

– Они и нашу заставу отапливают, по договору с руководством погранотряда, – пояснил сержант. – Сам поселок не такой большой – душ четыреста. Ремонтные мастерские, промысловая артель, рыбацкое хозяйство...

Здесь тоже готовились к выборам – краснела наглядная агитация. До мелочей отработанный ритуал – радио, телевидение, тысячи тонн бумажной продукции, собрания в коллективах, напутствия будущим избранникам. А в знаковый воскресный день – добро пожаловать на избирательные участки реализовывать свое конституционное право...

– А телевизоры у вас работают? – робко поинтересовалась

Настя.

– Если есть, то работают, – засмеялся сержант. – Недавно «Ставка больше, чем жизнь» шла, про разведчика Клосса. Правда, один канал только ловит, и тот с помехами... Так и живем – бабы смотрят, а потом рассказывают мужикам. У мужиков ведь дежурство, служба, они не могут каждый вечер у телика торчать...

– Не жили хорошо – не стоит и начинать... – пробормотала Настя, заработав осуждающий взгляд законного мужа.

– А она у вас с норовом, да, товарищ лейтенант?

– Нет, – огрызнулся Павел. – Анастасия Игоревна совсем не такая. Просто она еще не акклиматизировалась и не рассталась с нормальной жизнью.

– Да вы не расстраивайтесь, Анастасия Игоревна, – простодушно протянул сержант. – Хорошо здесь: природа, люди замечательные. В жилом городке при части магазин имеется. В Нижней Масловке – еще два. Раз в неделю начальство специально для дам организует рейсы в Лучеград – это такой городок на востоке. Раз в месяц во Владик можно съездить, там бронируется гостиница на ночь. Поверьте, ничего страшного, живем, как все. Посплетничать найдете с кем – и на жизнь пожаловаться, и мужикам косточки перемыть. У нас молодые мамыши с детьми живут – и то ничего. Когда тепло, по бульвару гуляют с колясками... Ну, не бульвар, конечно, – такая зеленая зона между домами. А в домах, между прочим, всегда горячая вода – даже в летнее время. Наше

начальство за этим следит.

На окраине поселка стояли военные грузовики, крытые брезентом, бронетранспортер, укутанный маскировочной сеткой. Это настораживало. Водитель проследил за взглядом Павла, но промолчал. Он не был «находкой для шпиона», хотя болтать мог без умолку.

Лесок проскочили за полминуты, уступив дорогу армейскому «ГАЗ-69» – тот волок за собой шлейф угарного дыма. Справа за деревьями обрисовались жилые двухэтажные дома. Они стояли в линию, рядом – проезд с жиденькими березами и кленами, – очевидно, тот самый «бульвар». Дома смотрелись скучновато, построены они были недавно – еще не обветшали.

Контрольно-пропускной пункт. Подбоченились военные в светло-песочных полушубках с автоматами, проверили бумаги. Рослый ефрейтор вкрадчиво улыбался Насте, но сделал каменное лицо, перехватив уничтожающий взгляд лейтенанта. Сдержанно кивнул, отступил в сторону.

Воинская часть смотрелась солидно, как-то даже чересчур для обычной заставы. Небольшой плац, стенды с наглядной агитацией, призывающие крепить бдительность и непременно посетить всенародные выборы. Вытянутый барак, казарма, огороженный колючкой склад ГСМ, отдельно стоящее здание столовой. Невнятные постройки за деревьями – видимо, епархия хозяйственного взвода. На плацу отделение солдат приобретало навыки строевой подготовки – двигались с

ленцой, явно не новобранцы.

На севере, в просветах между деревьями, проявлялось заснеженное пустое пространство...

– Река Уссури, – показал водитель, – «Черная, как сажа», если с маньчжурского перевести. Там граница – яблоко раздора... – сержант задумался, не сболтнул ли чего лишнего. – От заставы – три тропы в сторону реки – для удобства, так сказать, пользования. Застава у нас усиленная, поскольку объект – важный. Соседняя застава – «Куликовские сопки» – на востоке, в пятнадцати верстах, там нет островов, берега обрывистые, отсюда и объект не столь значимый. А у нас только погранцов около сотни – четыре взвода. Плюс отделение служебных собак, узел связи, прожекторное отделение, хозяйственная часть – вспомогательные, так сказать, подразделения... Гражданские из Нижней Масловки у нас работают; устроены на постоянку – в магазине, в медсанчасти, в библиотеке. Клуб маленький, зал на пятьдесят посадочных мест, так что кино по выходным смотрим по очереди. Недавно «Неуловимых мстителей» привозили, – встрепенулся водитель. – По несколько раз ходили, если время позволяло. Не видели еще? Новый фильм про Гражданскую войну – как три пацана и девчонка банду атамана Бурнаша гоняли. Вот умора, я вам скажу, наши животы надрывали...

– Отстаєте от жизни, сержант, – улыбнулся Павел. – Уже и продолжение сняли – «Новые приключения неуловимых». Те же пацаны с девчонкой, только повзрослели и орудуют

теперь в Крыму, Белую гвардию за нос водят.

– Серьезно? – удивился сержант. – Так это замечательно, товарищ лейтенант. Значит, и к нам привезут... Не пройдет и года.

Машина неторопливо объезжала плац. Солдаты поглядывали на пассажирку, сбивали шаг. Еще одна группа военных курила у беседки, оплетенной высохшим выюном. В районе столовой мелькали лопаты – дневальные боролись со снегом.

– Здесь останавливаю, – водитель втиснул машину между стендами с агитацией. – Идите в штаб, товарищ лейтенант. Капитан Стрельцов был на месте. А я вашу жену посторожу...

Мелькнула мысль, что Настя – как граница СССР, священна и неприкосновенна.

– Ее зовут Анастасия Игоревна, отвечаете за нее головой. Не выходи из машины, Настя, я скоро вернусь... наверное.

«Застава – наш дом родной», – уверяла надпись на кумаче.

Павел вошел в здание штаба, небольшую пристройку к казарме, козырнул дневальному. Тот проводил его любопытным взглядом. Заурядная коридорная система, чистые полы, потолок не первой свежести. У дежурного по части потрескивала аппаратура, сюда поступали доклады от нарядов, несущих службу. Граница охранялась в любое время дня и ночи.

– Лейтенант Курочкин, – протянул руку светловолосый

обладатель красной повязки. – Рад познакомиться, товарищ лейтенант. Все уже в курсе, что вы подъедете. Зайдите к начальнику, доложите. Это следующая дверь по коридору.

– Разрешите? – Павел заглянул в небольшое, скромно обставленное помещение, не забыв предварительно постучать.

– Разрешаю, милости просим, – прозвучало из кабинета. Мужчина с погонами капитана сидел за столом, курил, перелистывал ведомости и ставил подписи. Он поднял голову, отложил ручку. Капитану Стрельцову было под сорок, гладко выбрит, суховат, явно не любитель нервных движений. Он внимательно разглядывал посетителя, пока тот докладывал по форме.

– Ладно, будем считать, что добрались, товарищ лейтенант... – Он углубился в чтение предъявленных Павлом документов, временами поднимал голову, пристально смотрел, как бы соотнося написанное с действительностью. Потом качнул головой: – Надеялись, что опытного пришлют... Но на безрыбье, как говорится... Не обижайтесь, Павел Константинович. Это я так, о наболевшем. Все не могут быть опытными и обстрелянными. Если верить написанному, вы – отличник боевой и политической подготовки, а это уже неплохо, – он вышел из-за стола, протянул руку: – Стрельцов Иван Терентьевич. Мятый вы какой-то, товарищ лейтенант.

– Так через всю страну, товарищ капитан... – стал оправдываться Павел, косясь на карту района, висящую на стене. – Сразу к вам, доложить о прибытии. Супруга в машине до-

жидается...

– Да неужели? – удивился Стрельцов, подходя к окну. – Ну, что ж, похвально, Павел Константинович, весьма похвально. Можно даже сказать, удивили... – он отвернулся от окна и засмеялся. – Каюсь, вы мне напомнили сосланного в Сибирь декабриста, у которого есть прекрасная жена, готовая разделить с ним тяготы неволи. Это шутка. Все в порядке. Надеюсь, ваша супруга гармонично впишется в нашу беспокойную и насыщенную интересными событиями жизнь. Детей нет?

– Никак нет.

– Хорошо... Вернее, плохо, но какие ваши годы? Признайтесь, как насчет маршальского жезла в солдатском ранце? – он испытующе уставился на нового подчиненного.

Павел не растерялся:

– Лежит, товарищ капитан. Завернут в газетку, придавлен другими вещами...

– Но пока точно не определились? – проницательно заметил Стрельцов.

Возражать было глупо.

– Служба покажет, товарищ капитан. В училище поступал по призванию, не за престижем шел и не ради любопытства. Мой отец в 1945-м командовал ротой дивизионной разведки, погиб на Зееловских высотах под Берлином, когда его группа попала в засаду. Это произошло за две недели до Победы и за неделю... до моего рождения. Мать служила в мед-

санчасти, после войны была главврачом в госпитале Западного пограничного округа. Все свое детство я провел среди зеленых фуражек, простите... – он смутился.

– Ладно, посмотрим, на что вы способны, – капитан сухо улыбнулся и посмотрел на часы. – Не будем мучить вашу супругу, она и так натерпелась. Вот ключи от квартиры, – он достал связку с биркой. – Номер дома – два, квартира – четвертая, на втором этаже. Это нормальная двухкомнатная квартира с кухней и санузлом. Последние полгода жилье пустует, но все коммуникации должны быть в порядке. Отвезете жену, осмотритесь, и через два часа – милости просим на службу. Кстати, взвод у нас, в отличие от обычных застав, взводная, а не отделенная структура, который вы возглавите, – тоже четвертый. В нем проходят службу ребята, которым весной на дембель. Давненько над ними не довлела офицерская рука, гм... Не скажу, что в подразделении казачья вольница, взводом временно командует старшина Фролов. Но сдается мне, он их изрядно распустил, придется вам затягивать гайки. Не забудьте побриться, лейтенант...

– Рядом с нашим домом есть магазин... – зашептала Настя, когда он усаживался в машину. – Но Вася говорит, что в нем не разгуляешься, продают только самое необходимое. Можно пешком дойти до поселка, там целых два магазина: один продуктовый, другой промтоварный...

– И в них есть все, что твоей душе угодно, – заключил Павел. – Вези, Василий, домой – номер два, квартира четыре,

второй этаж.

– Ладно хоть не первый, – тоскливым эхом отозвалась Настя.

Сержант сочувственно покашливал, подвозя их к первому подъезду. Обычный панельный дом, два подъезда, детская площадка под снегом. Подобные здания есть в каждом городе и в каждом райцентре. Но казенщина бросалась в глаза – все серо, неуютно, не обжито. Из украшений на входе – портрет кандидата в депутаты от блока коммунистов и беспартийных, пара оборванных объявлений.

– Помогу вам донести чемоданы, – сказал сержант, спрыгивая с подножки. Он схватил вещи, носком сапога распахнул дверь и поволок чемоданы наверх.

Павел наблюдал за Настей: сердце беспокойно сжималось. Она была подавлена, в глазах поблескивали слезы. Павел приобнял ее, она выскользнула, помотала головой: нашел время...

– Все, живите... – сержант втащил в тесную прихожую чемоданы, отдышался. – Не переживайте вы так, девушка, – улыбнулся он. – С милым и в шалаше рай, а тут такие хоромы – тепло, вода, и удобства не во дворе, как у многих...

– На чаевые не рассчитываешь? – хмыкнул Павел.

– Не-е, не рассчитываю, – заулыбался Василий. – Нам жалованья хватает. Ну, все, бывайте, устраивайтесь, побегу я. Доберетесь пешком до места службы, товарищ лейтенант?

Сержант скатился по лестнице, грохоча сапогами. При-

открылась соседняя дверь, образовался любопытствующий женский глаз, пахнуло табачным дымком.

– Здрасьте-здрасьте... – протянула обитательница третьей квартиры.

– Здравия желаю, – учтиво отозвался Павел и закрыл дверь – не самое удачное время знакомиться с соседями.

Настя, не разуваясь, бродила по квартире – словно зашла на минуточку и скоро уйдет. Потом села на чемодан и вопросительно уставилась на мужа.

– Другую квартиру посмотрим? – пошутил он.

– Нахлынуло что-то, – объяснила она. – Все хорошо, Паша, я привыкну.

Все без исключения квадратные метры покрывал слой пыли. Чугунные батареи грели неплохо, верхнюю одежду можно было снять. Крохотный балкон, куцы занавески, телевизор, повернутый экраном в угол. Мебели немного, все старое, но в рабочем состоянии. Массивный «славянский» шкаф, сервант, пара кресел, стол. На кухне – электрическая плита, навесные шкафы, антресоль. Смежная с залом комната – маленькая спальня со скрипящей кроватью. Покрывающий ее матрас был, скорее, пластичным, чем эластичным. Большие подоконники со стопками старых газет, щели между рамами заклеены бумагой на клейстере. Санузел – совмещенный, зато напротив унитаза стояла чугунная ванна, перекрытая стиральной доской, которую венчала детская резиновая уточка. Настя прыснула, и Павел слегка приободрился.

ся — ну, слава богу, повеселела.

Они сидели на кровати, глядели в заиндеветшее окно. Павел приобнял жену — на этот раз она не вырывалась.

— Снова скажешь, что хуже не бывает? — осторожно спросил он.

— Наверное, бывает, но я не видела, — девушка вышла из оцепенения, поежилась. — Будем вить семейное гнездышко... Обживемся, обрастем мещанским добром... — она сморщила нос, чтобы не рассмеяться. — Нет, правда, Паша, все в порядке, — она погладила его по щеке. — Я все сделаю, соскребу пыль, наведу порядок. А ты беги на службу. Только не забудь побриться, а то тебе скоро ежи начнут завидовать...

Глава 3

У дежурного по заставе работало радио – начиналась передача по заявкам радиослушателей «В рабочий полдень». Так уж сложилось в стране, что начиналась она когда угодно, только не в полдень. Но сейчас, в принципе, было близко – часы показывали 12.15.

– Вы Котов? – остановил его молодой лейтенант с оттопыренными ушами, придающими ему несерьезный вид. – Я Морошко Станислав, командир второго взвода, второй год на заставе. Слышал, что у четвертого взвода появится, наконец, командир. Я тоже здесь с женой, собираемся ребенка заводить... Ну, как собираемся, – лейтенант засмеялся. – Супруга собралась и поставила перед фактом, а меня там словно и не было...

– А ты точно там был? – покосился на него дежурный Виталий Курочкин из третьего взвода.

– Ой, да ладно, – отмахнулся Морошко. – Шутка борода-тая, самим не надоело?

– Дети – это хорошо, – неуверенно заметил Павел.

– Дети – хорошо, – согласился Курочкин, покосившись на надувшегося Морошко. – А бессонные ночи, крики в доме, вечные постирушки, а нервная и неприбранная жена – это плохо. Сам прошел эти институты; моему богатырю пятый год, в детский садик ходит в поселке. Ладно, Павел, дуй на

рандеву с начальством, не будем тебе зубы заговаривать...

В кабинете у Стрельцова сидели еще два офицера.

– Входите, товарищ лейтенант, – кивнул Стрельцов. – Все в порядке? Устроились, успокоили супругу?

– Она у меня крепкая, товарищ капитан, – приукрасил Павел. – Может, не сразу, но все будет хорошо.

– Ну, понятно, – сухо улыбнулся сидящий на другом конце стола старший лейтенант – с залысинами и заостренным подбородком. – Это вроде лотереи спортлото. У капитана Чхеидзе с «Куликовских сопок» супруга ныла полтора года, мучилась, не знала, куда себя деть, в истерику кидалась, обещала руки на себя наложить. Однажды он приходит с боевого дежурства, а в доме пусто, только записка на столе, мол, извиняй, дорогой, дошла до точки, уезжаю на Большую землю, к маме в Адлер, не вздумай меня искать... А как ее искать? Через день в наряд или караул – заменить нечем. Так запил человек с горя, совсем плохой стал...

– Михаил Евгеньевич, зачем вы об этом рассказываете? – поморщился Стрельцов. – Помню эту особу, ей все не так было, ветренная она, несерьезная. Не это сейчас надо нашему молодому лейтенанту. Не слушайте его, Павел Константинович. Это, кстати, мой заместитель по политической части Писарев Михаил Евгеньевич, прошу любить и жаловать.

Замполит приподнялся, протянул узкую руку, показавшуюся Павлу изнеженной. На эмоции он был небогат, но глаза цепляли – вопросительные, изучающие.

– А это лейтенант Орехов Юрий Борисович, – представил Стрельцов другого участника собрания. – Командир первого взвода. Три года на заставе, засиделся в лейтенантах, пора повышать.

Парень был постарше остальных взводных, имел твердую руку. Его приветствие не затянулось.

– Я свободен, товарищ капитан?

– Да, можете идти, – кивнул Стрельцов. – Я сообщу руководству погранотряда. Возможно, это ложная тревога. А может статься, что назревает очередная провокация.

Орехов козырнул и удалился. Офицеры молчали, погружившись в задумчивость.

– Есть проблемы, товарищ капитан? – тихо спросил Павел.

– Ну, можно и так сказать, – Стрельцов кашлянул. – Теперь это и ваши проблемы, лейтенант. Есть информация от не зависящих друг от друга источников, что на том берегу Уссури происходит скопление подразделений Китайской народной армии. Примерно три пехотные роты. У них стрелковое оружие, пулеметы, штатный комплект боеприпасов, продовольствия. Живут в палатках примерно в полутора верстах от реки, занимаются физической и боевой подготовкой, зубрят свои идейные установки...

– А зачем они там скапливаются? – не понял Павел.

– Вот именно – зачем? – хмыкнул замполит. – Может, учения, максимально приближенные к территории вероятного

противника... Раньше в драки бросались без оружия – кулаками махали, палками...

– Какие драки? – Павел оторопел.

– Эх, темнота непросвещенная... – Стрельцов вздохнул, подошел к карте, провел карандашом по голубой полосе, рассекающей изображение по диагонали. – Вот это Уссури, протекает с юго-запада на северо-восток. На нашем участке делает изгиб, меняет направление на восточное. Внизу – мы, вверх – КНР. – Карандаш рисовал условные окружности. – Вот это наша застава, здесь поселок Нижняя Масловка. Протяженность охраняемого участка государственной границы составляет пятнадцать километров: семь – на юго-запад и восемь – в другую сторону. Справа – застава «Куликовские сопки», слева – «Богучанская». Вот на этом участке, практически напротив заставы, русло Уссури расширяется. Это остров Атаманский и примкнувший к нему островок Коркинский. Последний, ввиду малого размера, никому неинтересен, а вот Атаманский – давний предмет территориальных претензий к СССР.

Павел всматривался в карту. Русло Уссури на коротком участке делалось шире, образуя закругленную вершину треугольника, утопленную в территорию соседнего государства. Остров прилепился к северному берегу, их разделяла лишь узкая протока. Часть суши была вытянута вдоль течения и на плане напоминала плывущего кита. Справа – маленький островок, видимо, Коркинский. От советского берега кро-

хотный архипелаг отделял широкий, не менее шестисот метров, пролив.

– Длина острова – чуть больше километра, – продолжал Стрельцов, – ширина в средней части – семьсот метров. Ширина северной протоки – метров шестьдесят. Ширина южной протоки – раз в десять больше. Острова принадлежат Советскому Союзу. На Атаманском фактически ничего нет, кроме нескольких дощатых построек, которые трудно назвать жилыми. Вдоль берега по периметру – низкорослый лес, кустарник. Центральная часть острова – равнина с канавами. Практически каждую весну случается половодье, и эта часть острова превращается в ценный заливной луг. Там можно возделывать рис, другие культуры. Воды вокруг Атаманского кишат промысловой рыбой... У вас вопрос, лейтенант?

– Прошу прощения за пробелы в знаниях, товарищи офицеры, – смущенно пробормотал Павел, – но, насколько помню, после Парижской мирной конференции 1919 года было принято решение по водным границам – и советское государство эти решения не оспаривало. Граница, как правило, проходит посередине главного фарватера реки...

– Вот именно, как правило, – сказал замполит. – Отсюда не следует, что это закон. Во-вторых, Советская Россия в упомянутой конференции не участвовала, ее итоги не отрицала, но и не поддерживала. Нас туда просто не пригласили. Ваши знания, молодой человек, несколько поверхностны, – без обид, разумеется. В середине прошлого века про-

ходили так называемые опиумные войны. На одной стороне – Цинская империя, на другой – Англия, Франция и примкнувшая к ним царская Россия. Для Китая войны закончились неудачно. Россия подписала выгодный для себя Пекинский трактат. Граница проводилась по китайским берегам Амура и Уссури – то есть водные акватории считались нашими. Китайцы формально не имели права использовать воды в хозяйственных целях. Но отношения между странами были неплохие, и Россия снисходительно посматривала на китайских рыбаков, на крестьян, возделывающих землю в нашей зоне. На острове занимались покосами, пасли скот, выращивали рис. Конфликтов не было, природных ресурсов на всех хватало. В том, что случилось дальше, – вина исключительно китайского руководства. Они зарвались – вы, конечно, в курсе. Мао Цзэдун отошел от принципов, возомнил о своем величии, забыв при этом, кто способствовал его приходу к власти. Напали на Тайвань в 1958-м, в 1962-м атаковали Индию, окончательно испортив с ней отношения. То, что происходит внутри страны, можно охарактеризовать емким словом из уголовного лексикона – беспредельщина.

– У них это называется культурная революция...

– Ага, мультаурная... – проворчал Писарев. – Все, что от культуры у них осталось, благополучно уничтожили, а нового, в отличие от нас, не создали. Хунвейбины бесчинствовали, воробьев уничтожали... – замполит не удержался, покрутил пальцем у виска. – Заодно и советско-китайскую гра-

ницу решили пересмотреть. Мы готовы были к переговорам, «братья навек» как-никак, проводили в 1964-м консультации по вопросам границы, но все закончилось безрезультатно. Плюс возникли серьезные идеологические разногласия. После того как мы усмирили антисоциалистические выступления в Чехословакии, Мао словно с цепи сорвался – объявил, что СССР встал на путь «социалистического империализма» – выдумал же термин! Нас обвиняли во всех смертных грехах – в каком-то ревизионизме, в отступлении от канонов, в политике империалистического шовинизма – сами-то понимают, что несут? Или их народ уже все готов съесть? Отношения ухудшились. В этой связи погранвойска КГБ СССР получили приказ строго следовать точному положению границы. Крестьян на Атаманский остров перестали пускать, рыбацкие лодки разворачивали; несколько раз топили – когда сидящие в них люди забрасывали пограничные катера камнями. Мы ясно давали понять, что остров – наш. А китайцы возмнили обратное – и их теперь энергично на- травливают на нас. Возможно, раньше остров и принадлежал Китаю, но когда это было? Сахалин и Курильские острова тоже числились за Японией, а что сейчас? Советская земля, которую мы хрен им отдадим. Мы несколько лет несем службу в непростой обстановке. Китайцы систематически и преднамеренно выходят на советскую территорию. Летом плывут на лодках, зимой пешком топают по льду. Выпускают офици- альные заявления, что советские пограничные катера устра-

шают их рыбаков, проходя на большой скорости рядом с их лодками, грозят потоплением. А им бы понравилось, если бы мы пришли хозяйничать на их территорию? Хунвейбины несколько раз нападали на наши пограничные патрули, оскорбляли, швыряли палки, пытались отобрать оружие...

– Хунвейбины? – удивился Павел. – Разве их не распустили несколько лет назад?

– А им, наверное, не сообщили, – усмехнулся замполит. – Давно это было, их автобусами подвозили к границе, они митинговали, на лед выходили, а наши собачки их прилежно облаивали. Однажды покусали парочку зарвавшихся, те бежали по льду, только пятки сверкали... Стрелять нам категорически запрещают – даже в воздух. Запрет снимается лишь в случае явной агрессии с применением огнестрельного оружия. Шальные выстрелы в нашу сторону в расчет не принимаются – приходится терпеть. Стоит нам пальнуть – столько вонь будет...

– Несправедливо, – вздохнул Стрельцов. – В 1941-м нашим пограничникам тоже запрещали открывать ответный огонь... После Нового года провокации – просто валом. То кричат оскорбительные слова, то на остров проникают, где наши заслоны стоят. А потом делают вид, что заблудились, скалятся, как последние идиоты... В январе случилась массовая провокация. Целая толпа – человек пятьсот или больше – демонстративно, без оружия, но с палками, кинулась на остров Коркинский, где у нас никого нет, и заняла его. Сто-

яли толпой, мерзли. Мы могли бы подождать, пока они в сосульки превратятся, но руководство погранотряда приказало действовать. Подогнали несколько БТРов мотоманевренной группы, вооружились рогатинами да пошли на них...

– Рогатинами? – удивился Павел.

– Точно, – кивнул Стрельцов. – У каждого бойца своя рогатина – в лесу вырубаем. В оружейных комнатах пока не храним, у казарм складирuem. Обычная охотничья рогатина – жердина метра два и раздвоенный конец. Полезное изобретение. Они ножами да дубинами машут, давятся своей злобой, а мы их невозмутимо рогатинами выдавливаем. Если в строю работать, то отлично действует, – капитан засмеялся. – Рекомендую, лейтенант, чисто наше изобретение. Так мы эту толпу в пятьсот человек за полчаса уделали. С острова на лед вытеснили, а потом БТРами погнали. Лед в этом году прочный, даже танк выдержит... Правда, пришлось почти весь личный состав привлекать, еще мужики из поселка прибежали – посодествовать родной заставе. А пару дней назад массовая драка была.

– Прямо-таки драка? – сглотнул Павел.

– Самая настоящая, – подтвердил Стрельцов. – Стенка на стенку, как раньше в деревнях ходили. На этот раз военные пришли, правда, без оружия. Обогнули остров, и по льду – к нам. Идут, цитатниками Мао размахивают – это такие красные книжицы с изречениями их руководителя. Ну, наши, понятно, рогатины под мышку – и навстречу. Не задалась, в об-

щем, беседа. Те в драку кинулись, наши им накостиляли по первое число, прогнали к чертовой матери – трем пришлось в медсанчасть обратиться, мы им потом усиленное питание предоставили.

– Не наш, конечно, метод – кулаками махать, – поморщился замполит. – Большевики должны словом убеждать. Но если слов не понимают, как иначе? Ты еще увидишь, лейтенант, эти драки, сам в них поучаствуешь.

– Ладно, считай, провели тебе политинформацию, – улыбнулся Стрельцов. Оба как-то ненавязчиво перешли на «ты». – Сведения о скоплении войск выглядят угрожающе. Может, пронесет, но кто знает? Комитет государственной безопасности неоднократно предупреждал руководство страны о готовящейся военной провокации – причем у нашего острова. Вовремя ты прибыл, лейтенант, – улыбнулся Стрельцов, – тут, видишь, такое. Но нас предупреждают уже давно, пока ничего фатального не происходило. Патрули усилили еще до зимы. Раньше по трое в наряд ходили, теперь по пять – плюс полный боекомплект, собака, рация, и каждые пятнадцать минут – доклад. На острове пограничные заслоны – посты стационарные, но «лежки» периодически меняют. Бойцы стараются не высовываться – бывает, что шальные пули летают. Погранотряд – в Умане, это тридцать два километра, там и командование, и радиолокационное отделение, и маневренная группа, часть которой дислоцирована в нашей Нижней Масловке, включая отделение станко-

вых гранатометов «СПГ-9». За пару дней освоишься, лейтенант. Структуру части ты уже представляешь. Четыре взвода, подразделение связи, технического обеспечения и тыла, прожекторная группа, кинологи, свинари с поварами... Получишь оружие, теплые вещи, все, что требуется. Принимаешь четвертый взвод. Гоняй их по всем предметам, а то обленились. Первые дни посмотрим, а как обвыкнешься, трижды в неделю заступаешь в наряд. Раз в неделю – дежурным по заставе, дважды – начальником наряда по охране государственной границы. Остальные ночи, хм, спишь с женой, чтобы совсем не загрустила... Подумаем, к каким работам можно привлечь твою красавицу, если у нее самой появится желание.

– Я понял, товарищ капитан, – кивнул Павел. – Разрешите идти?

– Подожди ты, – поморщился замполит, – прыткий какой, – он вооружился бумагами Котова, стал их перелистывать. – Ты же московское училище окончил?

– Так точно.

– Московское – это хорошо... – задумчиво изрек замполит. – С историческими знаниями, конечно, неважно, но политически, надеюсь, подкован? Политзанятия проводить сможешь?

– Так точно, товарищ старший лейтенант, – Павел мысленно вздохнул, – это моя обязанность.

– И не только политзанятия, – напомнил Стрельцов, – фи-

зическую подготовку, тактику, стрельбы, рукопашный бой, изучение матчасти – все согласно расписанию. Ладно, Михаил Евгеньевич, вы оставайтесь в штабе, а я выведу нашего лейтенанта в поле, так сказать, время позволяет.

– Присаживайся, лейтенант, будь как дома, – крикнул капитан, мостясь за глыбой, припорошенной снегом. – Бери бинокль, изучай реалии.

Они сидели на высоком месте между заставой и рекой – обрывистая сопка сползала в реку, скованную льдами. Все вокруг было серое, безжизненное. Неторопливо падал снег, тучи ползли с севера. Казалось, наступали сумерки, хотя едва закончилось обеденное время.

Неподалеку устроился боец с биноклем, тоже осматривал окрестности. Попискивала рация.

Мрачноватая панорама разворачивалась под ногами. Слева от сопки шел покатый спуск к реке – среди деревьев пограничники протоптали тропки. Обрывы в этом месте отсутствовали – доступ к Уссури был почти идеальный. У берега грудились мешки с песком, возвышались загородки из камней. Чувствовалось, что китайские военные постреливали не только в воздух.

Река заметно расширялась, входила в излучину. Остров выглядел несуразной нашлепкой на глади реки. Северная его часть повторяла форму излучины и прижималась к дальнему берегу. Граница между государствами проходила по цен-

тру узкой протоки. Дистанция до острова от советского берега впечатляла – не набегаяешься. По кромке острова тянулся невысокий лес попеременно с кустарником. В центре – снежные проплешины, очажки голой флоры. Несколько строений непонятного назначения: возможно, раньше в них китайские крестьяне хранили сено или коптили рыбу. Обрывы невысокие – пехота пройдет. На китайской стороне леса сползали по склону в Уссури, за исключением нескольких лысых участков. Там были и хвойные – идеальное место, где целая армия может незаметно приблизиться к границе...

– Река когда-то обмелела, вот и возник на фарватере остров, – продолжал рассказывать Стрельцов. – Вернее, два острова – с нашей позиции Коркинский почти сливается с Атаманским. Он и сейчас, когда весной прет вода, фактически уходит под воду, охранять нечего.

– Почему Атаманский? Казаки здесь стояли?

– Не угадал, лейтенант. В XIX веке, когда Транссиб строили, здесь проводили изыскания. Один инженер из путевого хозяйства погиб во время бури. Переправлялся на остров в одиночку и перевернулся, не справился с веслами. Труп его нашли в камнях на берегу. По его фамилии остров и назвали...

Павел прижал окуляры к глазам, подкрутил бегунок настройки. Почудилось движение в кустах на дальнем берегу? Нет, не почудилось. Из кустов вышел человек в ватнике, из которого он явно вырос, в зимней шапке с опущенными кла-

панами. На плече у солдата висел автомат. Он немного постоял и начал спускаться. Но далеко не ушел, снова встал. Из кустов появились еще двое. Один из них разглядывал в бинокль советский берег. Потом они стали совещаться.

Китайские пограничники были щуплые, невысокие. Лица не читались – что-то серое, невразумительное. Потом они стали визгливо кричать, видимо, пограничникам на острове. Пост с советского берега не просматривался – бойцы находились в северной части Атаманского. Китайцы смеялись, что-то выкрикивали, имитировали стрельбу – меньше всего это напоминало дружеское приветствие братскому советскому народу. Их крики разносились над заледеневшей гладью реки.

Вторая сторона не отвечала – по крайней мере, не орала во всю глотку. Потом один из солдат Народно-освободительной армии стряхнул с плеча автомат и передернул затвор. Прогремела короткая очередь – он стрелял вверх, с небольшим наклоном ствола к советскому берегу.

Павел вздрогнул, оторвал окуляры от глаз, вопросительно уставился на Стрельцова. Он еще не вник во все нюансы сложных взаимоотношений пограничников двух стран. Стрельцов невозмутимо помалкивал. Сослуживцы китайского солдата заливались смехом, тоже скинули автоматы. Стрельба уплотнялась, приказа беречь патроны китайские пограничники не получали. Потом они прекратили стрельбу, стали ждать реакции.

– Выделяются, товарищ капитан, – сообщил боец, лежащий неподалеку. – Ждут, пока мы ответим.

– Пусть хоть на ушах стоят, – проворчал Стрельцов. – Предупреди, чтобы ни в коем случае не отвечали. Провоцируют, – покосился он на Павла. – Очень хотят, чтобы мы ответили. Эту троицу им не жалко. Им самих себя не жалко – фанатики, что с них взять. Задурили им головы пропагандой. Эх, представляю, как у наших в заслоне руки чешутся покрошить эту публику в мелкую капусту... Они специально выпускают знающих русский. Оскорбляют наших, по мамам проходятся – ждут, у кого нервы сдадут. Не дождутся. У наших бойцов выдержка что надо – хоть на часы к Мавзолею. Мы на остров старослужащих отправляем – они на нервную систему не жалуются.

– И будем бесконечно так терпеть? – спросил Павел.

– Будем, – кивнул начальник заставы, – пока наше политическое руководство с их руководством не договорится. Стоит нам открыть огонь на поражение – все пропало. Вон тот лесок, что на дальнем берегу, сразу оживет, китайцы валом попрут, не остановишь. И формально будут правы. Они же вверх стреляют, на своем берегу, кто им запретит? Может, день рождения Мао отмечают? Мы тоже можем у себя стрелять – если вверх. Наша земля, что хотим, то и делаем. Дело только в том, что они не всегда в небо стреляют...

Провокация подходила к концу. Не получив ответа с советского берега, китайские пограничники стали совещать-

ся. Потом отступили в кусты, при этом продолжали выкрикивать оскорбления, показывали задницы, явно предлагая выстрелить (удержаться в этом случае было действительно крайне трудно). По одному пропали в кустах, последний задержался, погрозил кулаком.

– Все в порядке, – облегченно вздохнул Стрельцов. – Монотонные серые будни... Ты не думай, что везде так. На прочих участках, в принципе, спокойно. Яблоко раздора здесь – на Атаманском, сюда и внимание. Теперь имеешь представление, что происходит на самом ответственном участке границы? Что здесь можно, а что нельзя?

– Начинаю понимать, товарищ капитан. Диковато это, плохо уживается со здравым смыслом.

– А кто говорит о здравом смысле? – пожал плечами Стрельцов. – Мы с Китаем больше не дружим. Давай-ка отползай, лейтенант. Пусть солдатики службу несут...

Глава 4

В казарме было душно, тянуло табаком (кому-то лень выходить на улицу), полы не сияли чистотой. Несколько минут назад Павел пообщался со старшиной Фроловым – еще одним сверхсрочником, тот с радостью сдал дела, отчитался, что взвод вчера вернулся из караула, сегодня отоспались. С утра, как и положено, выслушали политинформацию, провели занятия по физической подготовке в спортгородке за казармой...

– Взвод, смирно! – отложив свои дела, крикнул один из бойцов и принял подобие стойки «смирно». Опыт службы в городе-герое Бресте подсказывал: прослужившие полтора года – неплохие солдаты, но самые трудновоспитуемые. Все знают, все умеют, но кто же их заставит? И начальство к таким относится снисходительно. В 1967 году провели военную реформу. Срок службы на флоте сократили до трех лет, в сухопутных войсках – до двух. Не служба, а малина. Старшина Фролов явно не усердствовал в воспитании своих подопечных.

Павел прохаживался по казарме с мрачным видом, сцепив руки за спиной. Поглядывал на мятые кровати, на разбросанные шинели и шапки. Военнослужащие 4-го взвода неторопливо заправлялись, затягивали ремни, выходили в проход на построение. Старшина Фролов, избавившийся от обу-

зы, мялся у входа, тихо беседовал с дневальным.

– Быстрее! – рявкнул Павел. – Что мы тут хаотически перемещаемся? Забыли, как строиться?

– А как же барабанная дробь? – пошутил кто-то.

Строй худо-бедно вырисовывался, солдаты ровняли носки. Стояли в одну шеренгу. Взвод не такой уж многочисленный – двадцать четыре человека по списочному составу.

Лейтенант Котов исподлобья разглядывал бойцов – нормальные ребята, крепкие, физически развитые. Он бегло пересчитал присутствующих: в строю кого-то не хватало. Павел вопросительно глянул на Фролова. Тот отвел глаза – дескать, сами разбирайтесь, теперь это ваше беспокойное хозяйство. Скрипнула дверь, из ленинской комнаты высунулась заспанная физиономия, поморгала глазами. Боец спохватился, засеменил на свое место в строю, одергивая гимнастерку. За ним – еще один. Павел иронично осмотрел строй. Все равно кого-то не хватало.

– Ладно, – пожал он плечами. – Снег давно за казармой не чистили? Придется размяться...

– Мишка! Бабаев, чтоб тебя! Живо в строй! – проорал русоволосый сержант.

– Ну что? – из бытовки, расположенной за тумбочкой дневального, высунулся заспанный солдат, заразительно зевнул. Поводил глазами, уперся взглядом в лейтенанта. Нахмурился, что-то вспоминая, немного побледнел. Барабанная дробь была бы весьма к месту! Он ловко, одной рукой застегнул

воротничок, побежал в строй, стал локтями раздвигать товарищей. Павел не удержался от язвительной ухмылки. Бабаев смотрел на него исподлобья, выпятив губу.

– Взвод, равняйся! – на всякий случай выкрикнул сержант. – Смирно!

– Вольно, – вздохнул Котов. – Ждете команды «Разойдись», товарищи солдаты? Не дождетесь. Моя фамилия Котов, зовут Павел Константинович, я ваш новый командир взвода. Надеюсь, надолго. Так что свыкайтесь с неутешительными реалиями.

– Ну, почему же, товарищ лейтенант, мы очень рады... – выдавил стриженный под ноль остроносый боец. У него было забавное произношение. Он стушевался под пронзительным взглядом, сделал глуповатое лицо. Павел удрученно покачал головой. Дисциплину в этом войске явно следовало подтянуть.

– Та мы уже знаем, товарищ лейтенант, нам сказали, – бросил сосед остроносого – на вид простоватый, добродушный боец. – Вы с женой на заставу приехали...

– Ага, классная девчонка, – буркнул кто-то на фланге.

Павел резко повернулся. Неосторожный боец с погонями ефрейтора сделал круглые глаза и явно пожалел о сказанном. Но слово не воробей, назад не воротишь. Павел подошел, пристально заглянул ему в глаза. Парень практически не дышал, смотрел в одну точку. Во взгляде молодого лейтенанта было что-то такое, отчего хотелось испариться.

– Фамилия?

– Ефрейтор Терехов, – обреченно вымолвил провинившийся.

– Выйти из строя, ефрейтор Терехов!

Тот сделал два шага вперед.

– Отжаться пятьдесят раз, – приказал Павел. – Время – минута. Не уложишься – еще пятьдесят. Время пошло.

Ефрейтор рухнул как подкошенный. Поджарый, мускулистый, он отжимался быстро и уверенно, но при этом тяжело дышал. Павел наблюдал за ним, считал секунды. Шеренга не шевелилась. Солдаты прятали глаза, кто-то украдкой ухмылялся, другие сочувствовали невезучему товарищу. А что такого он сказал? Всего лишь несколько приятных слов в адрес супруги товарища лейтенанта...

Старшина Фролов, наблюдавший со стороны, удрученно качал головой. Как же это некрасиво – старослужащего заставили отжиматься...

Ефрейтор Терехов закончил упражнение, поднялся.

– Встать в строй.

– Есть! – он шагнул назад, наступил на носок соседу. Тот охнул, вырвалось неприличное слово. Терехов не остался в долгу – отозвался в том же духе.

– Отставить базар! – среагировал Павел.

Строй напрягся. Терехов тяжело дышал, физиономия его покрылась красными пятнами.

– И так будет с каждым, – пообещал Котов, – кто в вольной

манере соберется обсуждать вещи, которые его не касаются. Только «Анастасия Игоревна» и в уважительном тоне. Всем ясно?

– Так точно... – прогудел строй. Павел поморщился – кто в лес, кто по дрова. Он покосился на Бабаева. Тот предусмотрительно помалкивал – не дурак.

– Фролов, принесите список личного состава, проведите перекличку, – повернулся он к старшине. – Каждый названный громко произносит «я» и выходит из строя. Будем знакомиться, товарищи солдаты.

Фролов выкрикивал фамилии, солдаты отвечали. Два сержанта – Покровский и Сычев – командиры отделений, представители младшего командного состава. Кто-то выходил неспешно, как бы подчеркивая свою независимость, другие – согласно уставу. Одних Павел запоминал сразу, фамилии других мгновенно вылетали из головы. Ничего, успеет еще. Боец с добродушной физиономией – рядовой Филипчук. Владелец острого носа – Модяну. Ефрейтор Терехов – этого уже не забудешь. Жилистый, худой Лузин, мрачноватый крепыш Глобыш, смешливый черноволосый Черемшин...

– Рядовой Бабаев! – выкрикнул Фролов.

– Присутствует, – буркнул упомянутый товарищ, выбираясь из строя. Встретился с пристальным взглядом командира, картинно вздохнул, поправился: – Ну, я...

– Хочешь отжаться, как Терехов? – спросил Котов.

– Я! – громко ответил солдат.

– Шагдаров!

– Я! – единственный малорослый, но крепко сбитый паренек выкатился из строя, едва не повалив Котова. У него были маленькие глаза и широкая, как блин, физиономия. Он непринужденно и бесхитростно смотрел на командира. А каким уставом это запрещено? Пока ни в чем не провинился.

– Откуда, боец? – поинтересовался Павел.

– Улан-Удэ, товарищ лейтенант, – у рядового не было никакого акцента.

– Зовут-то как?

– Алтан-Шагай Дамбадугарович, – без запинки отчитался тот.

Павел чуть не поперхнулся. Пограничники заулыбались.

– Трудно запомнить.

Бурят пожал плечами.

– Не надо запоминать, товарищ лейтенант, – произнес черноволосый Черемшин. – Мы его Шалтаем-Болтаем зовем. Вроде не обижается.

– Однажды обижусь, – тихо пообещал Шагдаров.

– Ладно, разберемся с вашими фамилиями и прозвищами, – сказал Павел. – А теперь все дружно шаг назад – шагом марш! – Шеренга худо-бедно отступила, строй сломался. – Отставить! – среагировал Котов. – Взвод, смирно!

Он дождался, пока все вытянут подбородки, потом бросил:

– Вольно.

Снова стал прохаживаться, с интересом наблюдая за лицами.

– Итак, что мы имеем, товарищи солдаты? – объявил он ровным голосом. – Не скажу, что вы окончательно разложились, но предпосылки к этому имеются, и их придется устранять. Не исключаю, что вы хорошие солдаты, но с дисциплиной, внешним видом и соблюдением элементарных воинских норм все очень тревожно. Прошу учесть, что до дембеля еще долго, и выполнять свой священный долг придется до конца. Личное время на сегодня отменяется. Филипчук, что не так? – остановился он перед рослым солдатом. – Вы смотрите со страхом. У меня что, волосы с зубами осыпались?

Шеренга прыснула.

– Отставить! Я не для того тут с вами шутки шучу, чтобы вы смеялись. Хорошо, будем считать, что первое знакомство состоялось. Бабаев, вы куда?

– А разве не было команды «разойтись»? – проворчал Бабаев, неохотно возвращаясь в строй.

– Плохо со слухом? Или я с вами из бомболюка разговариваю? Я никого не отпускал. Почему у вас воротник расстегнут?

– Он сам... – вздохнул Бабаев, пытаясь застегнуться.

– Футбол любите, рядовой, – забиваете на все? Упор лежа... принять. Пятьдесят раз.

Рядовой подчинился. А как иначе? Всякая борзость имеет границы. У нового лейтенанта они, похоже, сводились в одну линию.

Как только боец встал в строй, Котов продолжил:

– Взвод, внимание. У вас есть полчаса, чтобы привести себя в порядок – заправиться, подшить свежие воротнички, начистить бляхи и сапоги. А кое-кому и побриться не мешает... – он прищурился. – В чем дело, товарищи бойцы? Не успеваем? Тогда вставайте ночью и брейтесь. Посмотрите на меня – разве я себе такое позволяю? Заправить кровати – на что это похоже? Сержант Покровский, полы должны сверкать. Через полчаса построение на плацу без оружия – будем отрабатывать навыки строевой подготовки. Завтра утром, насколько знаю, взвод никуда не заступает. Значит, займемся устранением политической безграмотности, тактикой, рукопашным боем, физической подготовкой, включая кросс по пересеченной местности...

Павел наблюдал, как солдаты с недовольством пыхтят, жалобно поглядывают на Фролова. Возможно, Павел переборщил, но хуже от этого не будет – пусть обсуждают за глаза. Опытный преподаватель советовал после выпуска из училища: получишь подчиненных, особенно старшего призыва, будь смелее, увереннее, практикуй командный рык, язвительные замечания. Ни в коем случае не мямлить – а то таким и останешься. Эти люди понимают только ясную, конкретную речь, можно пару ядреных словечек для усиления

эффекта. Главное, чтобы знали свое место и свои обязанности. А право у них одно – Родину защищать. Сами же потом тебе «спасибо» скажут...

– Товарищ лейтенант, вопрос разрешите? – подал голос сержант Сычев – белобрысый, с маловыразительным лицом.

– Разрешаю, – кивнул Павел.

– Вы там, извиняюсь, в разных сферах вращаетесь, что вообще говорят? Будет война с Китаем или обойдется? А то тут разные вещи происходят – ну, сами знаете... Они нагледят с каждым днем, мы уже драться устали да вздрагивать от их пальбы. А от замполита и товарища капитана ничего не добиться – вы служите, говорят, ни о чем не думайте, жизнь покажет. Легко сказать, ни о чем не думай...

Шеренга застыла – вопрос был больной для всех. Страшную войну четверть века назад пережили, и что – еще одна? Китайцы – не немцы, их больше, чем саранчи в голодный год...

– Не знаю, товарищи... – Скулы вдруг свело судорогой, захотелось прокашляться. – Серьезно говорю, не знаю. Не был я ни в каких верхах. Верхи – они там, – Павел кивнул на потолок, – вы – здесь, а я где-то между... По логике, не должно ничего начинаться – глупо затевать большую войну из-за чахлого островка, не имеющего стратегического значения. Пойти на принцип? Так сходили уже, обозначили позицию в драках. У нас – коммунисты, у них – коммунисты... Хотя и не такие, как мы, – фанатичные, с промытыми мозгами,

одержимые идеями своего бесноватого Мао. Но все равно, где это видано, чтобы коммунисты с коммунистами воевали? Будем верить, что у них в верхах восторжествует здравый смысл и конфликта удастся избежать. А наши дипломаты помогут... Вы же не хотите, чтобы война началась? – прищурился он.

– Не хотим, товарищ лейтенант, – проворчал сержант Покровский. – Наши родители еще ту войну помнят, ночами просыпаются... Да и проку от этих войн? Вон, Америка уже четыре года во Вьетнаме воюет, а что толку? У них оружие лучше, солдаты натасканные, зато у вьетнамцев – дух, понимание своей правоты, да и больше их, чем этих янки. Еще лет десять будут рубиться, и ничего не изменится, пока Америку окончательно протесты не накроют... А с Китаем-то как воевать? Нет, мы, конечно, будем, если прикажут... – сержант смутился.

– Уже анекдоты всякие появились, – подхватил Черемшин. – Рассказать? Совещание в китайском штабе. «А армию пошлем?» – «Нет, армию не пошлем, будем просачиваться мелкими группами – по полтора миллиона в каждой». – «А танки все пойдут?» – «Да, танки все. Сначала первый, потом второй».

Солдаты засмеялись, заметно расслабились.

– Спокойствие, бойцы, войны не будет, – объявил Котов. – И то, что в анекдоте, – миф. На самом деле, танков у них чуть больше, а пехоты – чуть меньше. А вот строевая подго-

товка, напоминая, будет, – он демонстративно посмотрел на часы. – И осталось до нее уже не полчаса, а двадцать четыре минуты. Р-разойдись! Бабаев, останьтесь.

Пограничники разбрелись, сочувственно поглядывая на сослуживца. Бабаев насупился, смотрел волком.

– Мстить будете, товарищ лейтенант? Ну, за тогдашнее, в поезде. Подумаешь, с супругой вашей по душам пообщался. Она же не возражала. Просто поговорили... А на вас и формы не было, откуда я знал, кто вы?

– Не оправдывайся, Бабаев, – ответил Павел. А ведь он тогда действительно струхнул. Такое совпадение – одно на миллион, а ведь работает! – Я еще не пал так низко, чтобы сводить личные счеты, пользуясь служебным положением. Хотя, знаешь... соблазн велик, – лейтенант сухо засмеялся, и рядовой боязливо втянул голову в плечи. – Ладно, расслабься. Спи спокойно, как говорится. Но дисциплина у тебя хромает, с этим надо бороться.

– Так расслабился в отпуске, товарищ лейтенант, отвык, трудно вливаться обратно в коллектив...

– Поможем, Бабаев, не переживай. Ты как из поезда вышел? Почему я тебя не видел?

– Ну, вышел, как все, – пожал плечами рядовой. Он немного приободрился, постреливал глазами. – Пять минут была остановка. Взял чемодан и вышел. Там еще трое местных сходили. Вот только вас с супругой не видел, уж извиняйте...

Павел поморщился. Проспали они тогда с Настей. На перрон выскочили – все уже ушли.

– И куда ты делся? Ночь же была?

– Так это... – Бабаев зачесался, скроил хитрую мину. – Есть у меня знакомые в Бикиновке, у вокзала живет человек... Там частный дом – вот туда и побрел, приютили, спать положили... Мне же сегодня надо было на службу явиться, поэтому не спешил...

– Женщина? – Павел насмешливо посмотрел ему в глаза.

– Ну, да, знакомая, – неохотно выдавил Бабаев. – В Нижней Масловке познакомились, она иногда к сестре приезжает... А что, дама незамужняя, три года в разводе, ребенок... Ну, постарше меня, а что такого? Уставы не запрещают. Я же не в самоволку к ней ходил... А в шесть утра ее сосед меня до Нижней Масловки подбросил – на работу ехал. До заставы пешком добежал через лесок...

– Ну-ну, – хмыкнул Павел. – Блудим, значит, Бабаев? А еще в поезде к чужим женам пристаем... Кто те двое? Тоже с тобой сошли?

– Да нет, мы вместе из Новосиба ехали... Они тоже в Электротехнический институт поступали, их с первого курса отчислили, они во Владике служат на морфлоте, совпало так, смеялись, что мир тесен...

– А тебя с какого курса отчислили?

– Ни с какого, – сокрушенно вздохнул Бабаев. – Не поступил, баллом не вышел. Год перекантовался, потом в армию

забрали... виноват, призвали. Сейчас гадаю – может, снова поступать?

– Сам решай, – пожал плечами Павел. – Но что-то мне подсказывает, без твоей фигуры мир электротехники прекрасно справится. Все, ступай, Бабаев. И чтобы никаких мне тут вольностей.

– Зря вы так с ними, товарищ лейтенант, – смущенно сказал старшина Фролов. – Особенно с Тереховым и Бабаевым, с последнего вон даже краска сошла. А между прочим, при всей кажущейся никчемности – очень смысленный парень. Отстрелялся на «отлично», владеет приемами рукопашного боя, кроссы бегает лучше всех. Память отличная – уставы вызубривает быстрее остальных. Выносливый, в наряде никогда не ропщет, проявляет полезную инициативу. Опять же в январской драке с китайцами отличился...

– Это как? – не понял Павел. – Больше других носов разбил?

– Да нет, идею подсказал: делаем вид, что испугались, убегаем, а когда китайцы бросаются за нами, заманиваем их в тупик на берегу и метелим, пока пощады не попросят... И фокус с рогатинами, кстати, тоже Миша придумал – изобретательный, черт... Да, не спорю, есть у него отдельные недостатки. В самоволку в Нижнюю Масловку бегал, ночью хватились, а его нет. Зубы замполиту показывал. На губе в Боровичах пять суток отсидел за пьянку... У нас же на заставе нет своей гауптвахты. Пытался новобранца припахать из

первого взвода – да, собственно, и припахал, тот ему неделю за куревом бегал...

– А в целом правильный, душевный человек, – крикнул Павел. – Самому-то не смешно, Фролов, выгораживать такое чудо? Кто его в отпуск отпустил с таким послужным списком?

– Так отец у него скончался, – развел руками старшина. – Обязаны отпустить на похороны. Правда, он не жил с матерью, давно развелись, выпивал, в общем, асоциальный тип...

– Все, старшина, довольно, больше слушать ничего не хочу. Выводите взвод на построение, займемся старой доброй муштрой.

Только в девять вечера уставший, как собака, Павел дополз до дома, поднялся на второй этаж.

– Вам кого? – пошутила Настя.

– Вас, Анастасия Игоревна, больше ничего не хочу...

– А больше ничего и нет, – вздохнула жена, впуская на порог законного супруга. – Входи уж, душа пропащая.

Она куталась в толстый платок, смотрела грустно, но выглядела неплохо. Павел облегченно вздохнул. Копошилась весь день въедливая мысль: придет домой – а супруги и след простыл, ушла ловить попутку до Бикиновки. Но пахло в прихожей как-то странно. Он с опаской потянул носом. Под ногами запищало, он от неожиданности отпрянул, чуть не наступил на что-то мягкое. Существо мяукало, отбивалось,

когда он его ловил. Это оказалась не крыса. Настя включила свет в прихожей. Он держал на руках крошечного лохматого котенка, тот шурился, извивался, пытался вывернуться. У него был странный окрас – сам рыжий, а кончики ушей и носа – белые.

– А это что за фрукт? – вздохнул Павел.

– Не догадываешься? – удивилась Настя. – С соседкой познакомилась, она отдала. Там еще трое, не знает, куда пристроить, а топить жалко. Я выбрала этого...

– Мужик? – строго спросил Павел.

– Ну, пока не кастрировали, – да...

– Как назовем?

– Хочу Пушистиком назвать...

– Нет, не пойдет, – решительно отверг Павел. – Все эти нюшки-няшки – не для нас. Григорием Ивановичем назовем – Котовским.

– Так вроде не лысый, – девушка прыснула.

– Зато наш товарищ... Вот только что это? – он опять поводил носом. – Вы превратили прихожую в общественный туалет?

– Очень трудно воспитывать кота в одиночку, – объяснила Настя. – Мы проветрим, не волнуйся, я начну его к туалету приучать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.